

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

Коу Сяохуа

<https://orcid.org/0000-0001-6969-7836>

Т. Ж. Калинина

<https://orcid.org/0000-0002-6823-2313>

**«Калечина-Малечина» не может стать умницей»:
мотивные и сюжетные переключки в романах о девочках-подростках
Евгении Некрасовой и Хуан Бэйцзя**

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран
Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Коу Сяохуа, Калинина Т. Ж. «Калечина-Малечина» не может стать умницей»: мотивные и сюжетные переключки в романах о девочках-подростках Евгении Некрасовой и Хуан Бэйцзя // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 44–61. DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7-44-61

Статья посвящена сравнительному анализу образов и мотивов романов Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» и Хуан Бэйцзя «Я буду умницей», посвященных девочкам-подросткам. Данные тексты обнаруживают сходства на уровне системы образов, архетипических мотивов и внутреннего развития мифологического сюжета посвящения-инициации ребенка во взрослую жизнь. Однако многие сходные мотивы в романах выступают в противоположных функциях: в романе Е. Некрасовой создается безрадостный мир нелюбимого никем ребенка, а в романе Хуан Бэйцзя – мир полноценного и любимого ребенка, тяжело переживающего собственные неуспехи в учебе. В связи с наличием мифологических мотивов рассматривается художественный метод романов. Китайский текст тяготеет к традициям социалистического реализма, реализуя одну из его функций, наиболее свойственную подростковой литературе – дидактизм. Роман Хуан Бэйцзя можно назвать дидактической авторской сказкой, основанной на биографическом материале. Русский текст причислен исследователями к «магическому» реализму и является чем-то большим, чем просто романом-инициацией или дидактической повестью. В нем реализован непреходящий философский смысл влияния любви или ее отсутствия на человеческую судьбу, онтологическая заброшенность человеческой души в условиях безразличия или агрессии со стороны окружающего ее мира. Главным в романе русской писательницы становится не инициация героини, а ее способность «выстоять», не утратив себя.

Ключевые слова: Евгения Некрасова, Хуан Бэйцзя, китайская система образования, подростковая литература, «женская» литература, детский роман, роман-инициация, дидактическая сказка, магический реализм, мифологический сюжет, иррациональное

начало, образ куклы, образ «волшебного помощника», детство, инициация, Калечина-Малечина.

PHILOLOGY

Kou Xiaohua, T. J. Kalinina

«Kalechina-Malechina» cannot become a smart girl»: motive and plot parallels in the novels about teenage girls by Evgeniya Nekrasova and Huang Beijia

The article is devoted to comparative analysis of images and motifs in the novels Kalechina-Malechina by Evgeniya Nekrasova and I Will Be a Smart Girl by Huang Beijia, about teenage girls. These texts reveal similarities at the level of the image system, the archetypal motifs and the inner development of the mythological plot about the initiation of a child into adulthood. However, many similar motifs in the novels appear in contrasting functions: E. Nekrasova's novel shows the joyless world of an unloved child, while in Huang Beijia's novel we see the world of a wholesome and well-loved child, suffering from her own school failures. The artistic method of the novels is examined in relation to their mythological motifs. The Chinese text gravitates towards the traditions of socialist realism, performing one of its functions most characteristic of teenage literature – didacticism. Huang Beijia's novel can be described as a didactic auteur tale based on biographical material. The Russian text has been described by scholars as «magical» realism and is more than just an initiation novel or a didactic tale. It realises the eternal philosophical sense of the impact of love or its absence on human fate, the ontological abandonment of the human soul facing indifference or aggression from the world around it. It is not the protagonist's initiation but her ability to «survive» without losing herself that is central to the Russian novel.

Key words: Evgeniya Nekrasova, Huang Beijia, Chinese educational education system, teenage literature, «women's» literature, children's novel, initiation novel, didactic tale, magic realism, mythological plot, irrational beginning, doll image, image of «a magic helper», childhood, initiation, Kalechina-Malechina.

В конце девяностых годов 20 века известная китайская писательница, начинавшая как детский автор, вернулась в детскую литературу из многолетней «командировки» во взрослую. Роман «Я буду умницей» взорвал китайскую читательскую аудиторию и упрочил славу Хуан Бэйцзя [钟名诚, 徐琼, 2009; 谭旭东, 2011; 周舒暢, 2012; 孙琼, 2012]. Никакого большого литера-

турного открытия писательница не сделала, но проникновенно описала выпускной год собственной дочери. Образ девочки-выпускницы начальной школы и перипетии ее подготовки к экзамену в среднюю школу настолько точно совпали с «наболевшими» проблемами китайских школьников и их родителей, а степень типизации была такова, что практически каждая

«Калечина-Малечина» не может стать умницей»: мотивные и сюжетные переклички в романах о девочках-подростках Евгении Некрасовой и Хуан Бэйцзя 45

школьница узнавала в главной героине Цзинь Лин себя. «Впоследствии, во время встреч с юными читателями, мне не раз приходилось слышать удивленные вздохи девочек: «Как же Цзинь Лин на меня похожа! Тетя-писательница, а как вы все-все обо мне узнали?» – признается Хуан Бэйцзя [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 269]. Этот роман затронул многолетнюю боль китайского общества, вынужденного в условиях жесткой конкуренции лишать детей простых радостей детства, приносить родительскую любовь в жертву гонке за предполагаемой лучшей долей в жизни чада. Поэтому роман «Я буду умницей», написанный в реалистической манере, доступным детской аудитории языком, без чрезмерных литературных изысков в стиле или организации повествования, можно считать достоверной копией существующей до сих пор действительности. В современном китайском образовании мало что поменялось с тех пор, текст не утратил своей актуальности. Об этом свидетельствуют многочисленные переиздания, переводы и экранизации.

Русский читатель увидел книгу только в 2017 году. А в 2018-м мы смогли познакомиться с русской версией повести о девочке-подростке в исполнении Евгении Некрасовой [Некрасова, 2018]. Несмотря на разницу в целевой аудитории и абсолютно непохожую работу писательниц с языком и стилем, произведения обнаруживают

удивительное сходство на уровне мотивных и сюжетных переключек, композиции образов. Начнем с того, что главные героини почти одного возраста: Кате 10 лет, Цзинь Лин – 11, обе учатся в начальной школе, не обладают выдающейся внешностью и имеют похожие проблемы с успеваемостью – у обеих есть гуманитарные способности, но при этом «западает» математика. Причем, их переживание этой самой математики описано похожим образом – через физиологические ощущения: «Стоит взглянуть на эти примеры, сразу начинает кружиться голова [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 16]; «мастерили примеры по математике <...> Катя слышала, вместо учительских объяснений в голове гул» [Некрасова, 2018, с. 19–20].

Обе девочки подвергаются буллингу в школе, переживают из-за оценок и нуждаются в поддержке родителей и учителей. У них даже цель одинаковая – не попасть в «плохую» школу, доказать свою состоятельность в интеллектуальном плане. Каждая из них изо всех сил старается быть «умницей» для окружающих ее взрослых. Однако сразу бросается в глаза разница характеров: Катя – забитая, неуверенная в себе «серая мышка» с «серыми» волосами, заброшенная учителями и родителями, живущая «самостоятельной» замкнутой жизнью, в которой лучшее время – ночь, когда можно либо разглядывать пятна на потолке, либо просто ничего не делать [Некрасова, 2018,

с. 16]. Участие в других событиях приносит страдание: это или преодоление тяжести школьного существования, или вечернее время с родителями, которые скорее осложняют жизнь девочки, нежели помогают ей справиться с трудностями. Катя определенно умственно и эмоционально отсталый ребенок, только ее, в отличие от Цзинь Лин, никто не водил к врачу, чтобы поставить диагноз. Цзинь Лин, в этом отношении, ее полная противоположность: жизнерадостная, общительная и эмоционально открытая, любознательная и одаренная. Ее внешность соответствует характеру: не «серая мышка», а «сладкая пышка», у которой «круглые, пухлые щечки, за которые всем так и хочется ущипнуть» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 13]. Цзинь Лин любит принимать участие в разных мероприятиях, заводить знакомства, увлекаться новыми хобби. Ее жизнь наполнена реальными событиями, потому что она сама – источник активности. Но гнет ответственности за результаты обучения и никак не поддающиеся исправлению предметы: музыка (с которой пришлось расстаться), математика и физкультура у Цзинь Лин и почти все учебные предметы, за исключением литературы у Кати («...в музыкальную школу ее так и не взяли – она не достала до ноты» [Некрасова, 2018, с. 42]), сближают образы девочек, заставляют писательниц обращаться к общей проблематике, использовать неожиданно схожие мотивы и даже выстраивать зеркальную систему образов.

данно схожие мотивы и даже выстраивать зеркальную систему образов.

В обоих романах самые близкие люди для героинь – их родители и бабушки. В обоих текстах матери занимаются воспитанием дочерей, отцы – своими делами, их участие эпизодично. Однако вмешиваясь, отец Кати тиранит ее, а отец Цзинь Лин – всегда ласков и защищает дочь. Бабушки Цзинь Лин одаривают внучку любовью и вниманием, пытаются решать ее проблемы или просто балуют ребенка, снимая с него груз ответственности. В случае в Катей возникает сомнение, что бабушка смогла бы дать ребенку ту любовь, в которой она нуждалась, поскольку даже не разглядела интересы внучки: «Катя любила лепить, но в художественную школу проситься стеснялась, а пластилин в доме запретила еще бабушка» [Некрасова, 2018, с. 42]. Но даже в этой бабушкиной заботе автор отказывает Кате, т.к. бабушка «вскороности» умирает. Тем не менее на фоне остальных взрослых воспоминание о бабушке остается у Кати светлым: «Катя с тех пор очень скучала по ней, заново не приучилась смотреть телевизор и иногда хотела червяков в молоке» [Некрасова, 2018, с. 14].

Показательно, как по-разному представлена в романах общая и извечная функция старшего поколения – кормить ребенка. В романе «Калечина-Малечина» даже любимое многими детьми блюдо теряет

свой привлекательный вкус: «Если бабушка задерживалась на полдник, она делала очень полезное и кислое яблочное пюре. Катя тайно записывала себе под язык кусок сахара, чтобы пережевать эту кислоту. Если бабушка обнаруживала это мухлевание, она таскала Катю за уши: внучке нельзя было сладкое из-за диатеза. Уши потом были красные и стучали» [Некрасова, 2018, с. 13]. А для Цзинь Лин бабушки и дедушка «разбиваются в лепешку», чтобы побаловать внуку: «Все эти блюда Цзинь Лин готова есть хоть каждый день. А бабушка – мастерица жарить лепешки, хочешь с начинкой, хочешь пустые – одинаково вкусные, Цзинь Лин от ее лепешек за уши не оттянешь» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 100]. Хотя вторая бабушка – мамина мама – обнаруживает некоторое сходство с Катиной: «К примеру, когда Цзинь Лин смотрит телевизор, бабушка делает замечания: «Не сутулься!» или «Отодвинься от экрана на два метра!». И во время еды бабушка тоже одергивает Цзинь Лин: «Не клади локти на стол!», «не ковырайся палочками в общей тарелке и не выбирай лучший кусок!», «Не указывай палочками на людей»... Только и слышно – «это нельзя, то не делай» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 102], но еда хотя бы вкусная, и телевизор смотреть все же можно.

Мать Цзинь Лин, как и старшее поколение, одержима проблемами дочери, она фактически живет с

жизнью, очевидно, что готова на любые жертвы ради нее. Мать Кати тоже жертвует ради дочери – бросает университет, так как с ребенком некому сидеть: бабушка умерла, соседка требует платы. Иногда кажется, что ее участие в жизни дочери ограничивается словом «Молодец», которым она отвечает на сообщения Кати. Но мать по-прежнему любит Катю, целует ее по утрам, но так замотана работой и бедностью, что ей с трудом хватает сил на собственную жизнь, которая предстает как череда безрадостных однотипных моментов.

Окружающий внешний мир представлен учителями и одноклассниками, а также случайными встречными – соседями, знакомыми родителей. Школьная среда агрессивна по отношению к обеим героиням. Но в «Калечине-Малечине» – это объективная реальность: куда бы ни попала Катя, начинается буллинг, причем не только со стороны сверстников (одноклассников, детей в лагере), но и взрослых, как будто Катя сама является причиной этой неприязни окружающих. Те немногочисленные люди, которые разглядели в ребенке какие-то задатки или хотя бы пожалели Катю, безжалостно вырываются из ее жизни. Кстати, романы связывает мотив переписки героинь с утраченными «друзьями»: Ольгой Митиевной (у Кати) и учительницей Ван (у Цзинь Лин). Вот только Цзинь Лин сразу после разлуки начинает переписываться с

учительницей, стараясь сохранить ее поддержку. А Катя стесняется написать, пишет лишь спустя долгое время, когда обретает хоть какую-то уверенность в себе. Цзинь Лин нужна поддержка учительницы Ян, потому что ей кажется, что новая учительница ее не любит, однако это заблуждение. Учительница Сунь не отказывает Цзинь Лин ни в одаренности, ни в перспективности. Поэтому агрессивность школьной среды – это субъективное восприятие Цзинь Лин. На самом деле у нее есть и верные друзья, и группа приятелей, и поддержка учителей, даже конфликтные отношения рано или поздно гармонизируются.

В обоих романах встречается один из устойчивых образов «школьной» подростковой литературы – образ туповатого толстяка в классном коллективе, но обыгрывается этот образ в романах по-разному. Хотя и толстяк Юй, и толстяк Курин являются инструментами буллинга, в итоге их роль не одинакова: Юй клеветает на Цзинь Лин и ее друга, но она находит способ справиться с этой проблемой, а толстяк Курин со спущенными штанами навсегда остается шокирующим воспоминанием Кати, который она не может забыть и как-то преодолеть: «Катя обернулась и увидела перед собой Курина – медведя-одноклассника с полинявшей квадратной головой. Курин тяжело дышал гайморитным носом и держал в руках задранную рубашку,

как на приеме у врача. Катя спустила взгляд ниже и под круглым животом с грязной кнопкой пупка увидела что-то совершенно ужасное. Штаны Курина ползали по полу» [Некрасова, 2018, с. 82]. Поэтому ее еще более пугает вероятность оказаться в той школе, куда перевели «недоумка». Одноклассники Цзинь Лин вообще не имеют злой воли издеваться над ней или другими ребятами. Они делают это под влиянием эмоций: страха, зависти, желания самоутвердиться, похвастаться. Одноклассники, преследующие Катю, представлены однозначно в негативном свете. Они издеваются над девочкой просто так, наслаждаются ее унижением. Какие-то другие мотивы или цели автором не обозначены. Все окружающие Цзинь Лин люди, даже незнакомцы на улице, доброжелательны к героине. Среди окружения Кати можно по пальцам пересчитать тех, кто к ней добр: тетя Оля дает Кате и Кикиморе конфеты, да случайная встречная девушка оплачивает их проезд. Но эта забота поверхностная, а порой продиктована вовсе иными мотивами: например, тетя Оля, несмотря на набожность, не проявила своей доброты, когда нужно было посидеть с маленькой Катей. Поэтому ее конфеты, скорее, способ загладить вину, успокоить себя. Таким образом, сходная система образов в романах оказывается с противоположными знаками: все прописанные персонажи китайского романа

на поверку являются положительными (исправляется даже главный «злодей» – отличник Ни Чживэй), а все герои романа «Калечина – Малечина» – отрицательные.

Субъективность переживания Цзинь Лин не отменяет искренности ее эмоций. Ей, действительно, тяжело. Тяжело глотать обиды одноклассника, подчеркивающего ее полноту, тяжело терпеть клевету, тяжело смиряться с неудачами на контрольных и признавать свою посредственность в учебе, тяжело, наконец, слышать укоры матери. Поэтому у обеих героинь возникает в результате одинаковый вопрос: «Почему плохих людей считают хорошими, если они хорошо учатся?» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 145]; «Вот бывают очень плохие люди, а их все любят. Как это так?» – удивляется Катя [Некрасова, 2018, с. 195]. Тем самым обе героини демонстрируют нравственную чистоту: для них важны преданность, честность, доброжелательность, ответственность. Чистота Кати многократно подчеркивается ее неискушенностью в вопросах пола. Ее шокирует и отталкивает все, что с этим связано. Только однажды она путает сочувствие и соучастие с похотью и извращением. Но путает в силу своей неопытности и тоски по участию. Для Цзинь Лин вопросы пола еще не существуют: ее никто не преследует сексуально. Несмотря на то, что она старше Кати, она как будто совсем не доросла до подобных мыслей. Возможно,

это отражает реальное положение вещей в китайском обществе, где на государственном уровне регулируются вопросы брака и деторождения. Половое созревание китайских подростков происходит позже, чем российских. Но и Цзинь Лин приходится задуматься о себе-будущей, когда у ее лучшей подруги наступают «месячные». Через слова повзрослевшей подруги прорывается самая драматичная мысль романа: «...Ты не понимаешь, Цзинь Лин, ты вправду не понимаешь! Когда у девочки появляются месячные, она становится взрослой, понимаешь? Я целыми днями только и делаю, что учусь, учусь, даже в компьютерную приставку вволю не поиграла! Ни разу! Я вообще не знаю, что такое счастливое детство, честно, не знаю. У меня и детства не было, а я уже взрослая. И потому мне очень грустно, Цзинь Лин, ты понимаешь? Вот о чем я горюю...» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 256]. Но этот драматизм тут же снимается впечатлениями от теплой атмосферы домашнего ужина, радости от подарков, любви и внимания родителей и ночной прогулки Цзинь Лин. Поэтому героиня счастливо вздыхает: «Как прекрасна жизнь! Как мне хочется поскорее стать взрослой!» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 258]. Проблема взросления, взрослости является внутренним смысловым центром романов, к нему сводятся все поступки и мысли главных героинь. Катя делит весь мир людей на «выросших» и

«невзросших». Ее самые безотрад-ные переживания, доводящие ее до мыслей о самоубийстве, связаны с осознанием того, что она не сможет стать «хорошей выросшей». Она, как и Цзинь Лин, старается найти в себе силы повзрослеть, то есть со-ответствовать ожиданиям окружа-ющих. В этом пограничном состоя-нии героинь между миром детей и взрослым миром особым смыслом наполняются атрибуты детства и взросления.

Одним из самых архетипичных атрибутов в обоих романах являет-ся образ куклы: «Именно кукла яв-ляется одним из самых узнаваемых атрибутов детства». [Шиповская, 2012, с. 29]. В романе Е. Некрасо-вой мы имеем дело с самой настоя-щей обрядовой куклой, которая несет изначальные сакрально-магические смыслы, превращаясь в «волшебного помощника» Кикимору, заключая в себе утраченную человеческую душу. Она также «амбивалентна», как и образ Кики-моры, равна ему по иррациональ-ному содержанию. Кукла-Кикимора берет на себя те поступ-ки, которые не может сделать де-вочка, не утратив своей детской души: выполняет вынужденные страшные вещи, противостоит злу, направленному на ребенка, ответ-ным действием. Кукла в романе Бэйцзя утратила свое магическое содержание, но не душу. Со своей сакральной функцией она справля-ется: «У Барби руки и ноги гнутся, как будто она живая» [Хуан Бэйцзя,

2017, с. 82]. Поэтому достается она «сиротке» Синьсин, которую бро-сили мать и отец, для нее кукла – волшебный оберег Василисы Пре-красной: «Синьсин прижимала к груди куклу Барби, словно самое бесценное сокровище на свете» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 92]. «Кукла – проводник между миром детства и миром взрослых» [Салаева, 2016, с. 99], поэтому расставание с кук-лой (дарение, уничтожение) знаме-нует инициацию ребенка. С одной стороны, «в куклы Катя давно уже не играла» [Некрасова, 2018, с. 96], что говорит о том, что Катя уже лишена детства, но «год назад, ко-гда она прочла о приключениях Гулливера, ей очень сильно захоте-лось себе настоящих и живых, но маленьких, размером с ее указа-тельный палец, людей. С ними иг-рать гораздо интереснее» [Некрасо-ва, 2018, с. 113]. Неразличение кук-лы и человека в сознании Кати от-зывается многоголосым эхом кук-лы-Кикиморы, Калечиной-Малечиной, самой Кати-куклы с ее «деревянной» косой: «Катя перево-рачивалась туда-сюда, как тряпич-ная кукла» [Некрасова, 2018, с. 139] и «Весь подъем Катя буратиной (выделено авторами статьи) прови-села на держащей ее за капюшон руке» [Некрасова, 2018, с. 265].

Еще одним атрибутом взросле-ния становится мотив денег и фи-нансовой состоятельности. Родите-ли девочек не являются богатыми людьми, в романах подчеркивается, что в определенные моменты денег

не хватает, деньги являются ценностью, которую можно обменять на «светлое будущее». Два неудачных с точки зрения денег момента жизни сюжетно связывают романы: у Катиных родителей деньги обманом отнял дядя Юра, а у родителей Цзинь Лин мать пострадавшего в несчастном случае мальчика вымогает приличную сумму, добиваясь этого угрозами и шантажом. Каждая героиня принимает решение «ввязаться» в финансовые вопросы своей семьи: Катя возвращает деньги, причитающиеся за бабушкину дачу: «Катя прижала деньги ближе к прыгающему сердцу и ощутила свою абсолютную всесильность» [Некрасова, 2018, с. 241], а Цзинь Лин пытается целый месяц вести домашнее хозяйство, распоряжаясь семейным кошельком и распределяя семейный бюджет. Тем не менее, каждая девочка терпит в этой попытке финансовой состоятельности неудачу. Деньги, добытые Катей, родители не признают и возвращают. А Цзинь Лин очень скоро понимает, что не справляется с расходами, и передает полномочия назад родителям. Однако, если попытку Кати никто так и не оценил, то опыт Цзинь Лин признается ее родителями вполне удачным и достаточным, чтобы вознаградить ее, несмотря на провал: «На семейном совете родители решили, что дочь, хотя и не продержалась месяц, тем не менее приобрела кое-какой опыт ведения хозяйства, поэтому заслуживает вознаграждения. Посове-

щавшись, она дали Цзинь Лин сто юаней» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 91].

В этих перипетиях с деньгами не последнюю роль играет еще один персонаж: Кикимора в «Калечиной-Малечиной» и сиротка Синсин в романе Хуан Бэйцзя. Этих персонажей многое объединяет: Кикимора по определению – это душа никому не нужного ребенка, который погиб от этой ненужности и заброшенности, а Синсин – девочка, взятая на воспитание престарелым дедушкой, который умирает от инсульта. Она не нужна родителям, мать, появляясь в ее жизни, сразу отвозит ее в деревню и сдает бабушке. Катя проявляет заботу о Кикиморе и создает для нее образ младшей сестренки: «Она решила, что раз Кикимора как бы ее младшая сестра, то Катя сможет научить ее каким-нибудь полезным вещам» [Некрасова, 2018, с. 244–245]. Цзинь Лин также опекает Синсин и почти сразу вживается в роль старшей сестры, а девочку именуется «названной младшей сестренкой». Любопытно, что образы «младших сестер» связывает мотив одевания-раздевания, расчесывания и омовения (в древности – ритуальные действия!). Катя одевает Кикимору в свою детскую одежду, как бы уподобляя существо младшей сестре, расчесывает удивительные колтунные волосы Кикиморы, распутывая тем самым «колтун» собственной жизни. А Цзинь Лин раздевает «сестренку», приведенную из садика, моет ее, как мама мыла в свою очередь саму Цзинь Лин. Но

на самом деле обретенные «младшие сестры» делают для героинь гораздо больше, чем те для них. Из-за Кикиморы Катя «выныривает» из состояния бессознательного мрачного прозябания, которое она описывает действием «Катя катится-колошматится». Катя перестает «колошматиться». Для Цзинь Лин Синсин также огромный стимул к необратимым изменениям: она страшно боится потерять свою репутацию старшей сестры, запрещает матери обсуждать при Синсин свои недостатки. Она, наконец, исправляет оценки по математике. Образ «младшей сестры» заставляет главных героинь собрать свои силы, приложить максимальные усилия, чтобы выбраться из привычной ситуации невезения, неудачи.

Образы «младших сестер» в обоих романах многослойны. С одной стороны, это «мотиваторы» для начала активных действий по самосовершенствованию и преодолению девочками ситуации неудачи и стагнации. С другой стороны, Кикимора, очевидно, является alter ego Кати, отражает ее душу, умирающую без любви и внимания: «Вдруг Катя заговорила, запричитала, что она поняла, что ее никто не любит и не хочет слушать, и понимать, и помогать» [Некрасова, 2018, с. 162]. В романе с помощью эпизода с девушкой, которая пытается покончить с собой, сбросившись с крыши (праобраз финальной сцены попытки суицида самой Кати), даже показан путь, как Катя

может превратиться в Кикимору. Синсин также можно считать alter ego Цзинь Лин, поскольку неудачи в учебе причиняют девочке страдание только в том плане, что лишают ее материнской любви, безусловности приятия родителями самой Цзинь Лин. «Мать поучала дочь: «Оставь, пожалуйста, свой дух противоречия. Я и так стараюсь тебя не перегружать. Посмотри на нашего соседа Вэнь Фэна, он ежедневно помимо уроков играет на пианино, ходит в изостудию, и ведь все успевает, отлично учится, его родителям не приходится переживать». После короткой паузы добавила: «Если бы у матери было право выбирать ребенка, я бы предпочла такого умницу и отличника, как Вэнь Фэн». <...> Скажи, а если ты вправду собираешься выбирать ребенка, ты выберешь Вэнь Фэна или меня?» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 120–121] – вопрошает Цзинь Лин. Поэтому сиротка-Синсин, которую теперь никто не любит, так трогает душу девочки. Обе девочки направляют свою любовь и заботу, которую недополучили, на более слабое существо, «удочеряя» его в младшие сестры именно потому, что сами так нуждаются в подобной беспрекословной заботе. Встреча с «младшей сестренкой» в обоих романах происходит в чрезвычайной ситуации: смерть дедушки и неприютность Синсин, попытка самоубийства Кати. И сюжетно данный момент в обоих романах является самым неправдопо-

добным: вряд ли одиннадцатилетнему ребенку в Китае доверили бы пятилетнюю малышку, только что осиротевшую, ну а вопрос правдоподобия появления Кикиморы не обсуждается. Очевидно, что данный сюжетный момент восходит к структурному эпизоду волшебной сказки, когда главный герой получает «волшебного помощника». В случае с Катей это происходит буквально, по мотивам сказки, а в случае в Цзинь Лин – метафорически. Синсинь, действительно, становится палочкой-выручалочкой на пути преодоления девочкой себя и своих недостатков. Таким образом, появление «волшебного помощника» – это момент, который отмечает инициацию детей, превращение их в более взрослых, сознательных и ответственных людей, преодолевших свою главную трудность.

Более того, фигура Кикиморы, помимо образа куклы, актуализирует еще один образ – образ мышки. Мышь также часто является в сказках «помощницей» попавшей в тяжелое положение девочки. Место Кикиморы на кухне за плитой – это «законное» место мыши, шуршание Кикиморы, ее попытка прятаться, похищение Кикиморой хозяйских вещей, можно принять за проделки мышонка. Но в «заплить» женщины обнаруживают соломенную куклу. Мышонок есть и в романе Х. Бэйцзя. Мышь помогла Цзинь Лин избавиться от многочисленных пособий по самоподготовке, не боялась кота, досаждала семейству до

тех пор, пока чрезмерное давление на девочку не ослабло, как только ее мать согласилась, что и мышка заслуживает пощады. В этом зверьке, обречённом на несостоявшееся съедение котом, Цзинь Лин видит себя: «Потому что несчастная мышь – это я, а соседский Вэнь Фэн, мои одноклассники-отличники Ху Мэй, Лю Яжу, Ни Чживэй – это коты, которых все любят!» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 127]. Выполнив свою функцию, мышонок также внезапно исчезает, как появился. Чрезмерное внимание к Катиным «серым» волосам, ее «крысиный хвостик» [Некрасова, 2018, с. 14], ее перекусы «холодной» едой, оставшейся в холодильнике (разогреть еду Кате запрещали) наводят на мысль, что мышь является еще одним символическим alter-ego самой Кати. То, что Кикимора «поживилась» мышонок и откусила от него половину, показывает двойственность образа: Кикимора может не только помочь, но также и погубить – «съесть мышонка-Катю».

Таким образом, сюжетные и мотивные переклички, сходство проблематики, практически идентичная система образов говорит о том, что перед нами структурно похожие романы – это романы-инициации о девочках-подростках. В начале героини находятся в до-рефлекторном «детском состоянии», сталкиваются с тяжелой психологической ситуацией, с помощью «волшебного помощника» –

«младшей сестры» и/или куклы/мышки переходят к действиям, в процессе которых взрослеют и проходят обряд посвящения во взрослую жизнь: Цзинь Лин становится «умницей», а Катя хорошей «невывросшей», чтобы потом стать хорошей «выросшей». Есть в романе Хуан Бэйцзя еще один «волшебный помощник» – старая учительница Син. Цзинь Лин попадает к ней как по сказочному сюжету: залезает в чужой сад, чтобы добыть листья шелковицы для своих гусениц шелкопряда, встречает строгую старушку, которая не дает ей уйти: «Цзинь Лин вовсе не собиралась следовать за старушкой, но ноги, не слушая приказы головы, двигались сами собой, будто старуха их заколдовала» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 213]. И старушка, подвергнув Цзинь Лин разным испытаниям (допрашивает, заставляет рассказывать веселые истории из школьной жизни), заключает с ней договор: она помогает с математикой, а Цзинь Лин никому не говорит о ее существовании. Старички и старушки – сказочный образ, связанный с волшебной помощью главному герою. И хотя часто главный герой не проходит испытания, он все равно получает эту помощь. Так и с Цзинь Лин: она все же проболталась об учительнице Син, и утратила возможность встретиться с ней, но помощь учительницы не прошла даром: та как будто поделилась с девочкой успехом в изучении математики. Помощи стра-

ной учительницы достаточно, чтобы завершить историю хэппи-эндом. В роли «старушки-помощницы» в «Калечиной-Малечиной» выступает та же Кикимора. Многократно подчеркивается, что Кикимора совмещает в себе и сущность ребенка, и сущность старушки. Даже в ипостаси телесной Кикиморы этот образ многолик: порой беззащитный ребенок, порой опытная мифологическая старушка, хранящая утраченные секреты, порой животное-монстр.

Однако в романе русской писательницы, где почти все герои – враги-изверги, противопоставленные Кате, на счастливый финал рассчитывать не приходится. С той легкостью, с которой Е. Некрасова вырывала с жизни героини надежду на понимание и заботу, она также «зачищает» финал романа от самых вредных антагонистов: отправляет Веронику Евгеньевну в больницу, а затем на пенсию, Сомова делает увлеченным астронавтикой инвалидом, рассеивает подсомовцев, отправляет Лару с семьей жить за границу, а дядю Юру в психушку, избавляет Катю от отца через развод родителей. Но и этого оказывается недостаточным, чтобы сгладить неприятное, безрадостное и бескатарсисное послевкусие романа. Даже переезд Кати с мамой в Гулливерию (Москву?), и их новая, более налаженная жизнь вдвоем не убеждает читателя в позитивности созданной действительности: «Катя

больше никогда не взяла. По капельке она стала общаться с другими невыросшими, но друзей не заводила. Решила, что ей нужно много думать, чувствовать, слушать, понимать, вспоминать и воображать, а потом уже действовать, чтобы из нее получилась хорошая невыросшая, а следом выросшая. И ничего необычного с ней больше не происходило, только после того дня у нее постепенно исчезли все родинки и пока не появилось новых» [Некрасова, 2018, с. 279]. А финальные, прорывающиеся из глубин Катиного подсознания строчки из песни Кикиморы опять возвращают нас к тому иррациональному началу, нежити, нечистой силе, которая захлестывает Катину жизнь: «Иногда только, во время скучного однообразного труда, к примеру, мытья посуды, она вдруг начинает напевать:

У Калечины одна – деревянная нога,

У Малечины одна – деревянная рука.

«Не покличет ли кто Калечину погадать о вечере?» [Некрасова, 2018, с. 280].

Автор, казалось, расчистил путь хоть для какого-то светлого будущего девочки, но тут же подчеркнул ее аутичность и даже инаковость, грозящие в любой момент сломать «настроенную» нормальную реальность. Финал забирает тот светлый лучик, который возник, когда героиня осознала свою зна-

чимость: «Невыросшая подумала, что стала теперь везучая, как Лара.

«Нет, я везучая, как я!» – это подумала Катя». [Некрасова, 2018, с. 243].

«– У тебя, что ли, праздник? – это спросила кассирша, пропуская через красный сканерский глаз всю эту Катину мечту.

– Да! – совсем как счастливая невыросшая ответила Катя» [Некрасова, 2018, с. 255–256]. Строя с детьми снежную крепость, Катя, становится похожа на нормального ребенка: «Катя не представляла до этого вечера, что можно быть счастливой, просто делая что-нибудь вместе со всеми» [Некрасова, 2018, с. 258].

Почему ощущение чуда, которое, кажется, случилось все-таки с Катей, когда она почувствовала счастье от своей состоятельности, нужности, проявившейся в совместной игре с детьми во дворе, сменяется безысходностью и отчаянием, попыткой самоубийства? Да, инициация, может закончиться плачевно, но Катя ее прошла! Возникает вопрос, почему история Цзинь Лин, не имеющая таких глубоких мифологических корней, как история Кати, тем не менее, получает вполне закономерный сказочный финал и отчетливые очертания романа-инициации, а повествование о Кате – нет?

Конечно же, ни одному китайскому исследователю не пришло в голову интерпретировать роман Хуан Бэйцзя как «реинкарнацию»

сказки, хотя доля сказочности и вымысла, однозначно, в повествовании присутствует. Наша трактовка подразумевает более глубокое погружение в мифологическую основу текста и, как нам кажется, через сравнение с романом Е. Некрасовой, доказывает наличие этой глубинной основы в романе Хуан Бэйцзя. Но инобытие не прорывается в реальность в повествовании китайской писательницы. Все повествование выдержано в реалистической манере, и это традиционный для китайской литературы реализм, берущий начало в соцреализме. Китайские исследователи и читатели романа «Я стану умницей» видят в нем, прежде всего, правдивый слепок с действительности, удачную типизацию образов и сюжета, затем ценную своим поучительным смыслом дидактическую сказку для детей, родителей и учителей. И даже художественное новаторство романа служит этой цели: «Цель повествовательной стратегии Хуан Бэйцзя – научить читателей – родителей и учителей обращать внимание на окружающих их детей и понимать их внутренний мир» [钟名诚, 2009, с. 46]. Как ни странно, рассмотренный в последнем аспекте роман Хуан Бэйцзя вновь обнаруживает художественное сходство и контраст с романом русской писательницы. Почти все события романа Е. Некрасовой показаны через призму сознания Кати. Создается особая сказовая манера, стремяща-

яся отразить ментальность девочки, ее своеобразное восприятие мира, которое отчасти соответствует восприятию аутичных детей [Павлов, 2016]. Роман Хуан Бэйцзя также частично создает внутренний мир Цзинь Лин (наряду с другими точками зрения и повествователями). Но этот внутренний мир отражает не «платоновское» экзистенциальное состояние заброшенности и неприкаянности нелюбимого ребенка, а лирически преобразованное, приукрашенное невинностью детской души восприятие реального мира: «Мир в глазах детей «поэтично» перевоплощается, и даже некрасивые вещи становятся красивыми и яркими. <...> Писатель осознал силу «поэтическую» функцию перспективы детского видения и использовал тонкий язык для передачи искренних эмоций, устраняя лицемерие и уродство в мире взрослых» [孙琼, 2012, с. 27]. Катин сознание, наоборот, еще более деформирует реальность, лишая ее любых светлых тонов и надежды на теплые человеческие отношения. Именно Катин взгляд, видящий в подтеках на потолке небывалые картины, способен разрушить границы реальности и впустить в жизнь потустороннюю силу.

В российском литературоведении была попытка трактовать мифологическую линию «Калечиной-Малечиной» как проявление внутреннего мира героини. Многие исследователи современной подростковой литературы пишут о фено-

мене «эскапизма», желания ребенка или подростка уйти в иную, созданную им реальность от травматичной действительности бытия. Но роман Е. Некрасовой идет дальше: «Самопогружение героини – школьницы Кати тоже является защитой от мира, в котором она не находит ни помощи, ни теплоты, ни поддержки. В школе над ней смеются и считают бесперспективной, родители выступают в роли судей, да они и друг с другом постоянно ссорятся. И вот в жизни Кати появляется странное существо, которое помогает девочке решить все ее проблемы. И не только ее, кстати. Особенность данного сюжета в том, что вымышленная реальность – не сознательно вымышленная, она переплетается, смешивается с настоящим миром до такой степени, что может влиять на события. Да это, в общем, и не вымышленный мир, это мифологическое сознание прорисовывается сквозь рацию. Когда разум и логика не работают, эффективным становится другое оружие, другой способ взаимодействия с реальностью» [Борода, 2020, с. 603]. Поэтому о романе Е. Некрасовой пишут как о «магическом реализме»: «Можно отметить, что Кикимора – это своего рода Альтер-эго Кати, своеобразное воплощение чувств тоски, ненужности и злости, которые испытывает героиня. Но этот образ приобретает характер, Кикимора может строить отношения с людьми, помогает Кате, спасает ее от

насилия, но при этом сохраняет свою исконно магическую атрибутику (эпизод с беременной в электричке или наказание дяди Миши, после которого он сошел с ума)» [Осипова, 2020, с. 260].

Что же должен увидеть читатель в «Калечиной-Малечиной»? Сказочной развязки роман не получил, пройденная героиней инициация не спасла ее от попытки самоубийства, помощь Кикиморы по итогу оказалась бесполезной, да и была ли помощью? Такое разочарование приводит особо чувствительных к выверенности жанра рецензентов к негодованию: «Тема травли в школе раскрывается примитивно и выглядит фальшиво»; «Дима Сомов (так автор бесхитростно отсылает нас к повести В. Железникова «Чучело») при любом удачном случае называет Катю «дебилкой». Что ж, не слишком оригинально, зато честно»; «Наконец, возникают и сомнения о ее умственных способностях, когда Лара резонно высмеивает подругу за незнание, что стихотворения пишутся в столбик. Как итог, сопереживать Кате невозможно, она вызывает брезгливое чувство раздражения. И когда класная грозит перевести ее в школу «на Савушкина» для отстающих детей – это не выглядит как катастрофа, вероятно, ей там было бы действительно лучше»; «А где же кикимора, спросите вы? Столько восторженных отзывов об участии этого фольклорного персонажа в романе. Но на деле писать о ней

особо-то и нечего. Этот герой, который намеками и мелкими шалостями проявляется еще в начале, нужен роману как собаке пятая лапа, или если угодно, рояль в кустах» [Рожков, 2019]. Автор рецензии прямо признается в своем разочаровании: «Ожидаешь, что Катя сейчас воспрянет духом, вспомнит все былые обиды и... И ничего не меняется. Как «катилась» Катя раньше, так она и «колошматится» во второй части романа» [Рожков, 2019]. Однако, нам кажется, что многие читатели и рецензенты просто не дошли до настоящей глубины романа. Если рассмотреть итог, то автор неоднозначно говорит, что Катя прекратила «колошматиться», она вышла из первоначального состояния, она прошла инициацию. Но ее инициация не похожа на ту, которую проходила Цзинь Лин. Китайская школьница должна была (при всеобщей помощи и поддержке, даже порой волшебным образом «случайной») выдержать психологическое давление школы и научиться быть более взрослой, чтобы отвечать за свои результаты образования. А у Кати задача не преодолеть гнет учебы, а выжить в нечеловеческих условиях отсутствия любви. Она должна «выстоять» в этой страшной игре «Калечина-Малечина»: сохранить свою чистую душу и не погибнуть. И это Кате удается. Она вырывает у мира капельку настоящей материнской любви, которой хватает не только на то, чтобы сделать существова-

ние Кати приемлемым, но и на то, чтобы изменить к лучшему судьбу Катиной мамы. Поскольку именно мамина жизнь изменилась кардинально после истории с Кикиморой, изменилась вопреки привычному и уже инерционному движению. Поэтому мы понимаем, что в романе «колошматилась» не одна Катя, что отсутствие любви и заботы не было просто «халатностью» родителей. «Колошматятся» в романе буквально все, все страдают от нелюбви и агрессии в большей или меньшей степени, поэтому и превращаются в монстров, теряют человеческий облик: «учительница-завр», «монстр Лары»... Стилистика текста такова, что создает особый мир, где любви нет места. Израненные монстры продолжают тиранить друг друга. Каждый акт агрессии, направленный против Кати, больно режет по сердцу читателя. И, конечно, ни о каком, даже «магическом» реализме в этом потерявшем любые человеческие очертания мире здесь говорить не приходится. Автор сознательно убирает из текста хоть какое-то утешение, она собрала воедино те вроде бы незаметные каждодневные проявления человеческого безразличия, нелюбви, агрессии, с которыми мы все сталкиваемся. Поэтому нравственная сила «Калечинной-Малечиной» намного превосходит силу дидактики Хуан Бэйцзя. Перед нами сюрреалистический роман о нелюбви, приводящей к выплеску хтонической потусторон-

ней силы, способной погубить душу, возникшей из погубленных душ. Но именно ужас встречи с этим позволяет и Кате, и ее маме найти выход из ситуации, обрести хоть маленький, но настоящий огонек «лечащей» любви и заботы друг о друге. Поэтому роман Е. Некрасовой не о школьнице, а о каждом из нас. И он заставляет нас

не просто задуматься, а, отшатнувшись в ужасе, предпринять попытку изменить мир в ту сторону, когда «хорошее» в нем «не истощается». Роман учит нас всех не проходить мимо творящегося акта хамства, безразличия, и агрессии, а вместе с «невывосшей» крикнуть: «Вы не имеете права так делать!» [Некрасова, 2018, с. 264].

Библиографический список

1. Борода Е. В. «Честное бегство» современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века // Неофилология, 2020
2. Зебрева Ю. Жизнь китайских школьников в романе «Я буду умницей» (рецензия). URL: <https://magazeta.com/book-huang-beijia-school/>
3. Некрасова Е. Калечина-Малечина. Москва : АСТ, 2020. 284 с.
4. Осипова О. И. Магический реализм сквозь призму художественного конфликта // Научный диалог, 2020, № 11.
5. Павлов А. В. Аутичные дети пересказывают фильм: некоторые результаты психолингвистического эксперимента // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 147–149.
6. Рожков А. Книга «катится-колошматится»: рецензия на роман Евгении Некрасовой «Калечина-малечина». URL: <https://aesthesis.ru/blogs/wolfcritic/kalechina-malechina2019>
7. Салаева А. К. Философско-эстетическое изучение феномена куклы // Международное научно-исследовательское издание «Филология», № 2 (44), Часть 4, Февраль. Т. 6. № 23. С. 599–607.
8. Хуан Бэйцзя Я буду умницей. Москва : Из-во восточной литературы, 2017.
9. Чарская-Бойко В., Иванкина М. Социальная тематика в современной российской литературе для подростков: мировая традиция и национальная специфика // Детские чтения, 2015. Том 8. № 2. С. 173–190.
10. Шиповская Л. П. Кукла как неотъемлемая часть эстетической культуры, человеческих традиций и человеческого опыта // Сервис Plus, 2012. № 4.
11. Яковлева О. В. Концептуальное значение инициации в русских народных сказках // Филология и человек. 2014. № 4.
12. 孙琼. 论黄蓓佳儿童小说的诗化叙事. 安徽文学, 2012 年第 7 期.
13. 谭旭东. 超越于童年生命的书写 – 评黄蓓佳儿童小说新作. 当代作家评论 · 2011 年第 2 期.
14. 钟名诚 · 徐琼. 试论黄蓓佳儿童小说的叙事策略. 湘南学院学报 · 2009 年 8 月.

15. 周舒暢. 黄蓓佳儿童小说的叙事策略探析. 名作欣赏：文学研究下旬, 2012.

Reference list

1. 1. Boroda E. V. «Chestnoe begstvo» sovremennogo geroja: problema jeskapizma v podrostkovoju literature XXI veka = The «honest escape» of the modern hero: the problem of escapism in XXI-century teenage literature // Neofilologija, 2020
2. Zebreva Ju. Zhizn' kitajskih shkol'nikov v romane «Ja budu umnicej» (recenzija) = Chinese schoolchildren's lives in the novel I'll Be Smart (review). URL: <https://magazeta.com/book-huang-beijia-school/>
3. Nekrasova E. Kalechina-Malechina. = Kalechina-Malechina. Moskva : AST, 2020. 284 s.
4. Osipova O. I. Magicheskij realizm skvoz' prizmu hudozhestvennogo konflikta = Magical realism through the prism of artistic conflict // Nauchnyj dialog, 2020, № 11.
5. Pavlov A. V. Autichnye deti pereskazyvajut fil'm: nekotorye rezultaty psiholingvisticheskogo jeksperimenta = Autistic children retelling the film: some results of a psycholinguistic experiment // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2016. № 12(66): v 4-h ch. Ch. 4. C. 147–149.
6. Rozhkov A. Kniga «katitsja-koloshmatitsja»: recenzija na roman Evgenii Nekrasovoj «Kalechina-Malechina» = The book «rolling-banging»: a review of Yevgeniya Nekrasova's novel Kalechina-Malechina. URL: <https://aesthesis.ru/blogs/wolfcritic/kalechina-malechina2019>
7. Salaeva A. K. Filosofsko-jesteticheskoe izuchenie fenomena kukly = Philosophical and aesthetic study of the doll phenomenon // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal, № 2 (44), Chast' 4, Fevral'. T. 6. № 23. S. 599–607.
8. Huan Bjejcza Ja budu umnicej. = I will be a smart girl. Moskva : Iz-vo vostochnoj literatury, 2017.
9. Charskaja-Bojko V., Ivankiva M. Social'naja tematika v sovremennoj rossijskoj literature dlja podrostkov: mirovaja tradicija i nacional'naja specifika = Social themes in contemporary Russian teenage literature: global tradition and national specificity // Detskie chtenija, 2015. Tom 8. № 2. S. 173–190.
10. Shipovskaja L. P. Kukla kak neot#emlemaja chast' jesteticheskoj kul'tury, chelovecheskih tradicij i chelovecheskogo opyta // Servis Plus, 2012. № 4.
11. Jakovleva O. V. Konceptual'noe znachenie iniciacii v russkih narodnyh skazkah = Conceptual meaning of initiation in Russian folk tales // Filologija i chelovek. 2014. № 4.
12. 孙琼. 论黄蓓佳儿童小说的诗化叙事. 安徽文学, 2012年第7期.
13. 谭旭东. 超越于童年生命的书写 – 评黄蓓佳儿童小说新作. 当代作家评论, 2011年第2期.
14. 钟名诚, 徐琼. 试论黄蓓佳儿童小说的叙事策略. 湘南学院学报, 2009年8月.
15. 周舒暢. 黄蓓佳儿童小说的叙事策略探析. 名作欣赏：文学研究下旬, 2012.